

КУЛЬТУРА

*Л.А. ОКОЛЬСКАЯ,
В.М. ПЕШКОВА*

Нормативные визуальные образы в массовой культуре для подростков*

В статье исследуется изменение ценностей воспитательного дискурса, ориентированного на подростков: представления об общественной и приватной жизни, коллективизме и индивидуализме на примере героев массовой культуры. Показано изменение культурного акцента в отношении ценностей равенства, безопасности, самоутверждения, заботы о других. Исследуются репрезентации красоты и сексуальности и связанные с ними нормативные ограничения.

Ключевые слова: массовая культура, канон, воспитание, социализация, советскость, модернизация, ценности и нормы, дети, молодежь, подростки, взросление, сексуальность, индивидуализм, дискурс, визуальный анализ.

In article change of values of the educational discourse focused on teenagers is investigated: representations of public and private life, of collectivism and individualism based on heroes of mass culture. Change of cultural accent concerning values of equality, safety, self-affirmation, care of others is shown. Representations of beauty and sexualities and the standard restrictions connected with them are investigated.

Keywords: mass culture, a canon, education, socialization, modernization, values and norms, children, youth, teenagers, a growing, sexuality, individualism, a discourse, the visual analysis.

В каждом обществе существуют комплексы ценностей и норм, касающихся детей и подростков. Воспитательные ценности связаны с представлениями о будущем и о значимости детства как такового. Нормы же предписывают, как должен выглядеть маленький или взрослеющий ребенок; какие черты характера и занятия для него предпочтительны, а какие – нет; как он должен взаимодействовать со старшими и младшими; что нужно запрещать и от чего ограждать. Все это образует особого рода воспитательный дискурс, функционирующий в разных сегментах культуры – образовании, праве, искусстве, семейных ритуалах, моде и т.д. Этот дискурс работает как любой

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 10-06-01031а).

Окольская Лидия Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Пешкова Вера Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

канон – отбирая, сортируя и сохраняя одни идеи и отбраковывая другие. Временами он подвергается ревизии, знаменуя модернизацию социального порядка в целом.

Культурные артефакты, в особенности созданные для социализации младшего поколения, – ценный источник данных о воспитательных идеалах и нормах. В 1930-е гг. немецкий социолог Н. Элиас исследовал цивилизационный процесс в Европе по старинным учебникам хороших манер, адресованным детям и молодежи [Элиас, 2001]. Изученные им этикетные нормы в основном касались подавления физиологических процессов и агрессии. Сегодня эти правила кажутся забавными, поскольку давно обрели статус социальных аксиом, которым обучают человека с самых ранних лет¹.

В 1960 г. французский историк Ф. Арьес опубликовал исследование культурных артефактов, раскрывшее динамику европейского отношения к детству. Он показал, что художники раннего Средневековья редко рисовали детей и подростков, разве что в качестве второстепенных персонажей. Образы детей наделялись взрослыми пропорциями и атрибутами, так что оценить их возраст можно лишь по сравнительно малому росту. Арьес заключил, что средневековый европеец “не видел” детей как особых существ и что детство не представляло для него ценности. Однако в Новое время интерес художников (и их заказчиков) к младшему поколению усилился. В обиход вошли индивидуализированные портреты детей и подростков с присущими их возрасту телесными и поведенческими свойствами. В живописи началось конструирование образа “нормального ребенка”, на который могли ориентироваться и взрослые, и сами дети [Арьес, 1999].

Арьес также напомнил современникам, что в средневековой Европе социальные барьеры между взрослыми и детьми были гораздо ниже. Несколько веков назад европейцы по своим взглядам на воспитание не отличались от примитивных народов, описанных М. Мид: взрослые позволяли детям видеть почти все стороны своей жизни [Мид, 1988]. В Новое время в европейских обществах появились табу на знание о рождении и смерти, насилии и болезни, сексе и отчасти о деньгах. Они распространялись “сверху вниз” – от аристократии к буржуазии и далее к низшим классам. Создание массовой детской культуры в XIX–XX вв. служило, в частности, к закреплению этого протекционистского принципа в западном воспитательном дискурсе².

Грандиозный сдвиг в отношении к детству стал элементом европейской модели модернизации и воспроизводился странами, заимствовавшими эту модель. В России, пошедшей по этому пути, тоже усиливался интерес к детству, распространялись информационные запреты, создавалась культура для социализации и дисциплинирования детей³. Однако в XX в. складывание коммунистической идеологии и ее принятие в качестве ценностно-нормативной доминанты направило развитие российских воспитательных идеалов в русло, отличное от европейского. Отношение к детям определили ценности “большой” советской идеологии – безопасность, трудолюбие, превосходство социального над индивидуальным и духовного над материальным [Магун, 1998]. Важные для советского порядка ценности выразились в нормативных детских типажах и образах “правильной” среды обитания ребенка. Эти типажи и образы воспроизводились на протяжении всего существования СССР в школьных учебниках, детской литературе, кино и анимации. Они до сих пор сохраняются в консервативных культурных анклавах, таких, например, как школьное образование. Попробуем разобраться, что это за образы.

¹ Например, популярное пособие Эразма Роттердамского “О цивилизованности детей” гласило, что не следует угодать соседу по столу наполовину прожеванной пищей, плевать на пол в помещении и т.д.

² Так, герои детских книг обычно изображались (и поныне изображаются) “невинными”, не ведающими “темных” сторон жизни. Даже если повествование затрагивало какую-либо заповедную тему, то подавало ее читателю в завуалированном виде.

³ Например, на основе учебника манер Эразма Роттердамского в 1717 г. в Санкт-Петербурге было выпущено аналогичное пособие “Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению”, предлагавшее российской молодежи правила поведения, аналогичные европейским.

Прежде всего, в советской массовой культуре было принято показывать ребенка *здоровым, сытым и красивым*. В этом заложен фундаментальный нормативный посыл к взрослому, обязанным заботиться о благополучии детей как социальной группы [Минина, 2009]. Художественный образ ребенка часто наделяется *конформистскими чертами*. Британские исследовательницы К. Келли и Ф. О’Делл, независимо друг от друга изучая учебники для начальной школы почти за весь период существования СССР, установили, что и ранние, и поздние их издания “продвигали” ценности уважения и подчинения авторитету старших, а также модернистские на тот момент нормы порядка и управления временем [Келли, 2008; О’Делл, 1978]. Правила из советских школьных учебников регулировали те же области жизнедеятельности, что и законы этикета, изученные Элиасом, – субординацию, гигиену, поведение за столом и т.д.

Результаты наших собственных исследований советской учебной литературы [Окольская, 2007], а также работы С. Леонтьевой и А. Щербинина [Леонтьева, 2003; Щербинин, 2000] показывают, что важнейшей чертой художественного образа ребенка (как и человека другого возраста) было *трудолюбие* – принятие необходимости трудиться как естественного и даже сакрального факта. Изображаемый труд в основном мотивировался долгом по отношению к обществу, коллективу, семье и предполагал *самоотдачу* ради общественного блага. В. Магун обосновал, что преобладание духовных и общественных мотивов труда над материальными и частными было постулатом “большой” советской идеологии [Магун, 1998]. Эта норма воспроизводилась в образовании и детской культуре.

Со временем нормативные образы детей все же мутировали, постепенно “задвигая” одни качества и акцентируя другие. Пример такой “мутации” приводит Леонтьева в работе, посвященной анализу нормативных документов пионерской организации. В 1929 г. “Законы юных пионеров” декларировали, что пионер не должен пить, курить, материться и хулиганить. Эти правила отделяли детей в красных галстуках от неорганизованных и, тем более, беспризорных сверстников. Спустя несколько десятилетий они стали аксиоматичными, наподобие элиасовских правил этикета, и были исключены из официального устава [Леонтьева, 2003]. Образ сквернословящего пионера с сигаретой в зубах, видимо, сделался столь провокационным, что одно упоминание о нем угрожало нормативной системе⁴.

Другая важная тенденция – описанная Келли интимизация в изображении родительской семьи как среды обитания детей. В школьных учебниках 1920–1930-х гг. образ семьи был сильно политизирован: обязательно показывалась связь этой “ячейки” с обществом и политикой. В позднесоветских изданиях семья выглядела приватным образованием и даже символически противопоставлялась политизированной жизни за стенами дома [Келли, 2008]. Вместе с тем Г. Макаревич с коллегами, изучив современные учебники, по-прежнему основанные на классических советских текстах, указала на противоречивость образа семьи. Ученые считают, что рассказы и стихи для детей передают разобщенность отцовской и материнской ролей, непонимание и даже неприятие взрослыми персонажами детских интересов и чувств [Макаревич, Безрогов, Иванченко, 2008]. Эти черты авторы считают типичными для семьи 1940–1950-х гг.⁵ Выходит, канон повторяет их более полувека.

Нормы детского поведения в советской культуре уже неплохо описаны, чего нельзя сказать о подростковых. Встречающиеся работы на данную тему чаще всего посвящены одному из проблемных аспектов взросления – сексуальному. И. Кон изучал сексуальные табу в СССР и сопротивление попыткам их отмены или смягчения [Кон, 2010, с. 291–308]. Педагоги препятствовали включению элементов сексуального воспитания в образование не только школьников, но и взрослых, которые, видимо, оставались вечными недорослями в глазах государства. Немногочисленные пособия

⁴ По-видимому, то, что пионер не должен заниматься сексом и торговлей, то есть соблюдать два других культурных табу, было очевидно и в 1920-е гг.

⁵ Заметим, что именно в этот период в воспитательном дискурсе для взрослых, реализовавшемся, в частности, в массовой прессе, подчеркивалась положительная роль активного отцовства [Ромашова, 2008].

по сексуальному воспитанию игнорировали ряд тем и продвигали сугубо традиционные модели отношений. Из-за этого сексуальную социализацию подростков взяли на себя неформальные агенты.

В 2000-е гг. появился ряд исследований советских норм сексуального воспитания, запечатленных в образовательной и художественной литературе, периодике, кино [Макаревич, 2010; Балина, 2010; Усманова, 2009]. В этих работах делается вывод о смещении от нарочитой открытости в обсуждении “полового вопроса” в раннем СССР к протекционистской закрытости и интимизации последующих десятилетий, “очистивших” детскую культуру от сексуального подтекста. А. Тарабукина показала изменения в воспитательной позиции книг по половому воспитанию, вышедших в 1920-е и 1960–1980-е гг., продемонстрировав, что в 1970-е гг. обсуждение секса с подростками носило медико-гигиенический характер и не затрагивало сферу чувственности. В 1980-х гг. дискурс заметно романтизировался и вытеснил из себя телесные категории [Тарабукина, 2003]. Е. Омельченко проанализировала высвобождение сексуальной темы в воспитательном дискурсе 1990-х гг., воспроизводимом молодежными журналами [Омельченко, 1999]. Среди отобранных изданий был и канонический “Ровесник”, пытавшийся модернизировать свое содержание в соответствии с новым “духом времени”. Не ограничиваясь моментальным снимком воспитательного дискурса, мы намерены изучить ход этой модернизации на протяжении полутора десятилетий.

Цель, задачи, объект и метод исследования

Цель данной работы состоит в изучении воспитательных идеалов и норм, предъявлявшихся советским и российским подросткам на обложках ежемесячного журнала “Ровесник” в 1980–1996 гг. Мы рассмотрим визуальные образы “нормального человека” (в частности, подростка) с точки зрения его внешности, занятий, типов взаимодействия с людьми и государством, поведения в общественном и приватном пространстве; изучим признаки нормативно одобряемой сексуальности и иных аспектов взросления; исследуем контексты, в которые помещены образы людей, и попробуем расшифровать закодированные в них значения. Кроме того, нужно проанализировать преемственность между ранними и поздними выпусками журнала и их отличия.

“Ровесник” выбран в качестве объекта исследования потому, что в советскую эпоху он был самым массовым журналом для подростков и осуществлял любопытную стыковку официального воспитательного дискурса и неформальных ценностей. С одной стороны, журнал выходил под эгидой ВЛКСМ, что определяло его близость идеологизированной педагогике. С другой стороны, в 1980-е гг. редакция “Ровесника” демонстрировала весьма либеральные взгляды, пропуская в печать новаторские и, возможно, даже не вполне санкционированные материалы о жизни на Западе. По исходному замыслу “Ровесник” большей частью состоял из интерпретаций культуры (и молодежных субкультур) других стран, акцентируя ценность интернационализма. Официальная концепция 1960-х гг. гласила, что журнал: «...освещает вопросы внешнеполитической деятельности Советского государства, ВЛКСМ, жизнь молодежи за рубежом. В “Ровеснике” выступают деятели международного коммунистического движения, руководители братских союзов молодёжи, публицисты и ученые. Печатаются очерки, статьи о труде и борьбе молодёжи мира, а также рассказы, стихи, песни прогрессивных зарубежных авторов» [“Ровесник”, 1975, с. 15].

Предполагалось, что подростки должны знакомиться и с одобряемой жизнью сверстников из социалистических стран, и с критикой капиталистического мира. Изначально баланс между социалистическими и капиталистическими образцами соблюдался, однако последние постепенно набирали вес и теряли отрицательные коннотации. В 1980-е гг. “Ровесник” был единственным отечественным периодическим изданием, из которого советские подростки могли узнавать о западной рок-музыке и просто о

жизни за железным занавесом⁶. Безусловно, его создатели раскрывали эту тему в рамках советского воспитательного дискурса. Однако для поколения подростков 1980-х и начала 1990-х гг. этот гибрид служил “культурным вожатым”, удовлетворяя высокий спрос на хоть немного модернизированные образцы [Ваг-Найм, 1989]. Его интенсивность характеризует резкий рост тиражей: от скромных 46 тыс. экземпляров в 1962 г. до впечатляющих 1150 тыс. в 1980 г. и почти невероятных 2920 тыс. в 1990 г.

После распада СССР “Ровесник” оказался на грани исчезновения и вернулся к исходным тиражам, не превышающим 100 тыс. экземпляров⁷. Свою роль главного “культурного вожатого” он, несомненно, потерял, и именно поэтому мы ограничиваем наблюдение 1996-м г. В то же время тот факт, что журнал продолжает выходить и сегодня, дает основания считать его устойчивым культурным явлением.

Выборочная совокупность исследования включает 176 обложек журналов, вышедших в 1980–1996 гг., то есть 91% генеральной совокупности обложек в данный период. Обложки интересуют нас как “лицо” журнала; понятно, что они представляют наиболее консервативную часть содержания, обращенную не только к юным читателям, но и к взрослым – родителям, педагогам и администраторам образования разного уровня, контролирующим соблюдение воспитательных норм. Лицевая сторона должна отвечать официальным идеалам; внутреннее содержание может и отклоняться от них. Вместе с тем визуальные образы, представленные на обложках, могут содержать своего рода скрытую учебную программу⁸ – латентные смыслы, привнесенные создателями журнала и отображающие модернизацию воспитательного дискурса.

Мы опираемся, во-первых, на методологию контент-анализа, перенося ее принципы сбора и обработки данных с текста на изображение. Во-вторых, используем приемы семиологии изображений, предложенные Р. Бартом: поиск дискретных знаков и прочитывание коннотативных сообщений – способов, которыми общество выражает свое отношение к тому или иному фрагменту реальности [Барт, 2004; 1994].

Прежде всего обложки подразделяются на состоящие из единого, цельного изображения и коллажи из нескольких изображений (обычно фотографических). Фиксировался ряд знаков, встречающихся на “монолитных” обложках и хотя бы на одном изображении, входящем в состав обложки-коллажа. Знаки, указывающие на правила поведения в публичном и приватном пространстве, следующие: присутствие людей на изображении; их количество и способ группировки; прикосновения персонажей друг к другу и признаки близких, интимных отношений между ними; интерьер частной жизни людей. К числу знаков, описывающих отношения индивида и государства, относятся: милитаристские и политические символы и символы, связанные с трудом; изображение прошлого; знаки, указывающие на присутствие иностранцев или на “заграницу”. Считывание и классификация такого рода сообщений велись обеими авторами статьи; результаты по обработке одних и тех же иллюстраций сличались. После сверки результаты кодирования заносились в базу данных.

На следующем этапе анализировались обложки, на которых есть изображения людей, в том числе с отчетливо различимыми лицами и фигурами, и в этой группе выделялись главные персонажи каждой обложки (по их расположению, размеру, освещенности и другим техникам). В тех случаях, когда изображаются несколько равновеликих фигур, в качестве главной отбирался персонаж, находящийся ближе к центру, и более крупно снятый или нарисованный. Главный персонаж описывался по социально-демографическим, стилевым и портретно-постановочным признакам: полу, возрасту, стилю одежды, направлению взгляда. Кроме того, мы пытались распознать

⁶ Так, автором многих статей о западной музыке был журналист С. Кастальский. В 1997 г. он выпустил первую в России рок-энциклопедию, в которую вошли около 1500 статей и обзоров, ранее опубликованных в “Ровеснике”.

⁷ Сокращение аудитории произошло уже в первые годы реформ. Если в 1991 г. журнал читали 21% опрошенных старшеклассников, то в 1994 г. – всего 6% [Писарский, Собкин, 1997].

⁸ Впервые термин *hidden curriculum* был введен Ф. Джексоном при изучении неписаных правил, образующих школьный порядок [Jackson, 1968].

несколько более субъективных означаемых “телесности”: экспрессивность или сдержанность мимики и поз персонажей, выражаемые ими эмоции, а также сексуальность. Эта информация также вносится в общий массив.

Дальнейшая работа с данными включает анализ распределения признаков по временным периодам, выявление статистических связей в динамике признаков, а также качественный анализ получившихся смысловых групп изображений. Временной континуум подразделяется на четыре периода: 1980–1985 гг.: доперестроечное время (67 изобр.); 1986–1989 гг.: перестройка (48 изобр.); 1990–1992 гг.: трансформационный период (33 изобр.); 1993–1996 гг.: начало постсоветского периода (28 изобр.). Такая периодизация отвечает впечатлениям от просмотра обложек и привязана к социально-политическому и культурному перевороту, происходившему в России в указанное время.

“Нормальная” среда обитания: картина общественной жизни для подростков

Разделив обложки “Ровесника” по типу изображений, мы установили, что 93% из них состоят из фотографических сообщений, 4% – из рисунков, 2% представляют собой коллаж из нарисованных и снятых на камеру элементов. Столь явное предпочтение фотографической техники, по-видимому, реализует претензию журнала на достоверную передачу реальности, служит для придания естественности символическим сообщениям⁹. Мир, о котором рассказывают обложки журнала, антропоцентричен. В таблице 1 показано, что выпуски, на лицевой стороне которых нет человеческих изображений, составляют незначительную долю в выборке: 6% в доперестроечное время, 2% – в перестроечное, 9% – в первые годы реформ. В 1993–1996 гг. “безлюдных” обложек вообще не оказалось. Вместе с человеческими образами читателям даются правила поведения, что фиксирует роль журнала как “культурного вожакого”.

Взаимоотношения индивида и общества, индивида и государства являются элементами “большой идеологии” в воспитательном дискурсе. Интересно было проверить, воспроизводится ли в “Ровеснике” ценностная оппозиция “общественное–частное”, действие которой продемонстрировано Магуном в правовых документах советской эпохи [Магун, 1998]. В этой паре коллективные интересы оцениваются как намного более важные, чем индивидуальные, и человеку, соответственно, предписывается отдавать им приоритет, жертвуя личными потребностями и склонностями. Общественное ассоциируется также с публичным, а индивидуальное – с приватным, интимным, и расстановка ценностных акцентов между ними та же.

Элементарный признак общественной и индивидуальной жизни – способ изображения людей: в одиночестве или в группе. Одиночный портрет сосредоточивает внимание на индивиде – и как на значимом социальном типе, и как на личности. Показ нескольких человеческих образов в общем пространстве обычно предполагает какой-либо тип взаимодействия между ними. Образ толпы можно прочитывать как выражение солидарности, сильного проявления коллективной воли, единообразия мыслей и эмоций, а также деиндивидуализации. Толпа часто (хотя и необязательно) ассоциируется с политикой. Учитывая, что примерно одну пятую нашей выборки составляют коллажи из нескольких фотографий, мы отметили все случаи, когда на обложке – на единственном изображении или в составе коллажа – были напечатаны: одиночный портрет; портрет двух людей; группа из трех и более человек; толпа¹⁰.

Из таблицы 1 видно, что уже в начале 1980-х гг. интерес “Ровесника” к индивиду был довольно велик: персональные портреты встречались на каждой второй обложке.

⁹ Барт также пишет, что фотография значительно менее проективна, чем рисунок, и предполагает у читателя созерцание, а не воображение [Барт, 1994].

¹⁰ Под толпой мы понимали изображение большого количества стоящих вместе людей, особенно такое, где трудно рассмотреть отдельные лица и черты. Случаи, когда митинг или демонстрация снимались крупным планом, также кодировались как толпа.

Способы изображения человека на обложках журнала “Ровесник”, 1980–1996 гг.

Изображение человека на обложках журнала	Период				χ^2 Пирсона	n степень свободы	статистическая значимость
	1980– 1985 гг.	1986– 1989 гг.	1990– 1992 гг.	1993– 1996 гг.			
<i>Обложка содержит:</i>	доля, %	доля, %	доля, %	доля, %			
– хотя бы один одиночный портрет	51	56	70	93	16,5	3	0,001*
– хотя бы один портрет пары	12	21	12	21	2,7	3	0,449
– хотя бы один портрет группы (3 и более чел.)	31	21	6	21	8,3	3	0,040*
– хотя бы одно изображение толпы (как гл. объекта / фона)	25	31	6	7	11,7	3	0,009*
На обложке нет людей	6	2	9	–	3,9	3	0,274
<i>Общее количество изображений</i>	<i>67</i>	<i>48</i>	<i>33</i>	<i>28</i>			

* Отмечены статистически значимые связи между переменными. Все переменные в первом столбце – дихотомические; в таблице показаны только значения “присутствие признака”.

Однако они часто помещались на фоне размытых человеческих силуэтов или в общественном месте, например на городской улице. То есть в момент съемки индивид находился не в одиночестве, не дома, а в публичном пространстве и, следовательно, вел себя в соответствии с нормами публичного поведения. Этот индивид был анонимен: имени сфотографированного рядом со снимком не было, и, вероятно, оно ничего не сказало бы читателю. То, что на обложках ни разу не встретились герои популярных кинофильмов для детей и юношества, указывает, что “равенство в безымянности” было редакционным принципом.

Групповые портреты трех и более людей печатались на каждой третьей обложке доперестроечных “Ровесников”. Толпу, изображенную в качестве главного объекта или фона, можно увидеть в четверти случаев. Данное соотношение позволяет заключить, что позднесоветский воспитательный дискурс сочетал внимание к индивидуальности с явным акцентом на общественной жизни и групповом взаимодействии. Частое мелькание разновозрастной толпы утверждает нормальность массовых сборищ. Выражение лиц участников толп указывает на их солидарность в оценке событий, то есть на высокий уровень группового конформизма.

Обложки, изображающие массовые мероприятия или демонстрации советского периода, обычно передают радостную эмоцию единения и гордости по поводу достижений народа и государства, тождественных друг другу. Как правило, это майские и ноябрьские чествования существующего строя. Иногда встречаются картины отечественных митингов в поддержку иностранных “товарищей”, актуализирующие роль “старшего брата” – защитника и ценность безопасности. Толпы иностранного происхождения (французские, греческие, немецкие, латиноамериканские) подаются как акции протеста против политического режима, направленные на достижение того, что у советских граждан уже есть, например защищенность. Их доминирующие эмоции – тревожность, ожидание. Визуальный дискурс дает примеры активного, эмоционального участия подростков в политическом действии: их фотографируют с поднятыми вверх кулаками, плакатами в руках, с открытыми ртами, выкрикивающими политические требования (1982, № 5; 1985, № 11; 1986, № 4).

Примечательно, что образы зарубежных толп отвечают стилю изображения других стран, выработанному в детской культуре СССР. Согласно этому стилю, иностранцы

показывались в неброской, повседневной одежде, в позах и ситуациях, напоминавших рутинные эпизоды советской жизни; колоритные знаки других, особенно западных, культур по возможности избегались. Например, дети и подростки из Восточной Европы изображались в одежде, настолько похожей на советскую, что распознать их иностранное происхождение можно лишь по форме и цвету пионерского галстука. Сокращение бытовой дистанции между СССР и остальным миром должно было решить две задачи: во-первых, лишить “заграницу” волшебного ореола в глазах молодежи; во-вторых, показать сходство ценностей советских и иностранных граждан. Следуя этой линии, “Ровесник” сообщал, что рядовые иностранцы тоже участвуют в митингах, выдвигают справедливые пацифистские лозунги. Прося у государства защитить их от войны, они подчеркивают ценность безопасности, значимую и для советских граждан. Предъявление таких лозунгов от лица детей (“*Je veux des bonbons pas des bombes*”¹¹ – 1984, № 2) неявно актуализирует смысловую близость оппозиций “взрослый–ребенок” и “государство–гражданин”.

Образ толпы мог сообщать о неблагополучии капиталистических стран не только в военной, но и в мирной жизни – например, черно-белая фотография немецких безработных, видимо, из ФРГ, с плакатом: “*Kollegen! Heute ich, Morgen du Arbeits Los*”¹² (1984, № 10). Грустные, тревожные лица западных немцев подтверждают: плохо, когда государство не может позаботиться о своих гражданах. Коннотативное сообщение такой фотографии заключается в противопоставлении уровней социальной защиты в капиталистической стране и в СССР.

В конце 1980-х г. толпы (наряду с другими изображениями) иллюстрируют диалог Советского Союза и США. Например, на одной из обложек толпа русских и американских детей и подростков снята на фоне собора Василия Блаженного в Москве. Персонажи держат в руках флаги двух государств, а также огромные глобусы. Коннотативное сообщение в данном случае состоит в утверждении ценности сильного государства, которое может позволить себе быть радушным хозяином по отношению к иностранным гостям. Визуальный образ также подчеркивает важность взаимопонимания между сверхдержавами, влияющего на ситуацию во всем мире.

Прежде чем переходить к анализу изменений в группировке человеческих образов на обложках начала 1990-х, рассмотрим знаки, характеризующие взаимоотношения индивида и государства. Важнейшие из них – политические символы, то есть флаги, плакаты, портреты и бюсты вождя, снимки правительственных резиденций, газеты и уже описанные толпы, собравшиеся по политическим поводам. Все они напоминают юным читателям о государстве и пытаются пробудить сопричастность с политической жизнью своей страны и всего мира.

Как видно из таблицы 2, на всем протяжении 1980-х гг. визуальная политизация обложек очень высока (61–63%), что предполагает наличие у подростков соответствующего словаря и способность его мобилизовать. При этом в 18–19% иллюстраций встроены знаки войны: люди в военной форме, воинские мероприятия, оружие, а также вторичные знаки в виде антивоенных митингов. Так, на одной из пацифистских обложек опрятный и здоровый маленький россиянин, сидящий на плечах взрослого, с недоумением смотрит на плакат с портретом рыдающего младенца, на которого надвигается черный силуэт самолета, помеченный буквами “US” (1987, № 5). Эта фотография максимально ясно противопоставляет счастливое, защищенное детство советского ребенка и неблагополучие иностранного малыша, испытывающего ужасы войны. На двух обложках встретились откровенные сцены насилия с участием молодежи: латиноамериканские солдаты тащат окровавленную жертву (1980, № 6); израненный ливанский юноша на больничной койке и скорбящая у его изголовья женщина (1982, № 10). Травматические образы не отвечают правилу педагогического протекционизма

¹¹ “Я хочу конфет, а не бомб” – франц.

¹² “Коллеги! Сегодня безработный я, завтра – ты” – нем.

Признаки общественной жизни на обложках журнала “Ровесник”, 1980–1996 гг.

Изображение действий и символов на обложках журнала	Период				χ^2 Пирсона	n степень свободы	статистическая значимость
	1980– 1985 гг.	1986– 1989 гг.	1990– 1992 гг.	1993– 1996 гг.			
<i>На обложке изображены:</i>	доля, %	доля, %	доля, %	доля, %			
Политические символы (флаги, портреты вождей, мемориалы, митинги, плакаты, униформа)	61	63	12	7	43,8	3	0,000*
Милитаристские символы (оружие, военная форма, пацифистские плакаты)	18	19	6	4	6,1	3	0,106
Исторические события, объекты коллективной памяти	12	13	6	21	3,3	3	0,346
Трудящиеся, учащиеся, орудия и места труда, учебы	19	4	6	4	10,0	3	0,018*
Другой народ, другая страна (не СССР), интернационализм	58	63	49	93	14,4	3	0,002*
<i>Общее количество изображений</i>	<i>67</i>	<i>48</i>	<i>33</i>	<i>28</i>			

* Отмечены статистически значимые связи между переменными. Все переменные в первом столбце – дихотомические; показаны только значения “присутствие признака”.

в отношении детей, что, видимо, оправдывается важностью задачи – актуализацией ценности безопасности в сознании читателей.

С государством и его военной историей связаны и образы героического прошлого, появляющиеся на 12–13% обложек 1980-х гг., в основном в февральских, апрельских и майских выпусках. Среди них фотографии военных мемориалов, портреты и мемориалы В. Ленина, черно-белые снимки советских солдат из хроник Второй мировой войны. На фотографиях, изображающих советские мемориальные ритуалы, часто присутствуют подростки, демонстрируя уважение к героям прошлого и к связанным с ними традициям. Все эти сакрализованные образы создают понятие советскости и направлены на поддержание национальной идентичности и патриотизма. Сходную задачу выполняют и публикации видов Кремля, природы средней полосы России, обычно безлюдные. Пустыньность, по-видимому, символизирует идею коллективной собственности, принадлежности изображенных земель всем советским людям. Такие картины служат инструментом внутренней колонизации – символического освоения территории страны [Лукина, 2006]. В то же время они, наряду с очень редкими изображениями животных, выражают и ценность заботы о природе.

Еще одна смысловая группа, содержащая “классические” ценности советской культуры, – образы, связанные с трудом. Утверждение значимости труда и его позитивной роли в жизни человека характерно для разных областей советской культуры, в частности, для школьного образования [Окольская, 2007]. В 1980–1985 гг. примерно на каждой пятой обложке “Ровесника” демонстрировались символы труда – сельскохозяйственного, военного, промышленного. Труд изображается в смягченной форме: при помощи персонажей, одетых в рабочую одежду, иногда в окружении орудий производства, но, как правило, не в процессе труда. Выражения лиц таких персонажей – либо радостные, либо серьезные и сосредоточенные – сообщают об удовольствии и социальной значимости труда. Подробности о том, как и ради чего люди работают, обложки не передают. Возможно, создатели журнала не хотели перегружать читателей-подростков трудовыми ценностями, которые в избытке транслировались другими

каналами социализации. Даже такой молодежный вид трудовой деятельности, как учеба, встречался лишь в единичных случаях. В отличие от школьных учебников, “Ровесник” явно скупился на публикацию близких читателю студенческих образов, перескакивая через промежуточный этап обучения к взрослой жизни. Эту особенность создателей журнала дублировать программу официальных агентов социализации. Это свидетельствует о небольшой вариативности и полистилистике советской культуры [Зудин, 2002].

Таким образом, значительная доля изображений в “Ровесниках” советского периода акцентировала ценности сохранения: безопасности под крылом сильного государства, группового конформизма и уважения к традициям. Примечательно, что, по данным международного исследования 1996 г., проанализированным О. Грязновой и В. Магуном, эти же ценности оказались в наибольшей степени присущи российским школьным учителям [Грязнова, Магун, 2011]. Однако сами подростки, на которых воздействовали печатные и “живые” агенты социализации, уже к концу 1980-х гг. охладели к ценностям сохранения. На это указывают результаты исследования П. Писарского и В. Собкина о резком снижении интереса старшеклассников к военно-патриотической литературе [Писарский, Собкин, 1997]. В начале периода реформ число “сохранительных” образов пошло на убыль и в “Ровеснике”.

Уже в 1990 г. стиль и объекты на обложках начинают транслировать принципиально новые сообщения. С конца 1991 г. делаются попытки конструирования нового визуального языка для коммуникации с подростковой аудиторией. Примерно в середине 1993 г. происходит его полное обновление, в частности переход на технику коллажа и уничтожение содержательного фона обложки. Сдвиг в визуальном содержании журнала после распада СССР можно зафиксировать и статистически. С 1990 г. доля индивидуальных портретов на обложках резко возрастала: с 56% в 1986–1989 гг. до 70 и далее до 93% в 1993–1996 гг. (изменение статистически значимо по критерию χ^2 Пирсона, см. табл. 1). Частота изображений толпы, напротив, значимо сократилась – с 31 до 6–7%. Последнее крупноформатное изображение толпы¹³ можно увидеть на обложке январского выпуска 1993 г.: она служит фоном для фигуры У. Клинтона, играющего на саксофоне. Этот портрет символизирует переход между типами массовых сборищ, значимыми в советскую и в новую эпоху. С одной стороны, фотография политизирована, поскольку главным ее персонажем является американский президент, с другой – политик показан в неформальной роли музыканта – героя нового времени, которым восхищается толпа. Образ толпы приобретает дополнительный свежий смысл: не выражение лояльности государству, а восхищение индивидуальным достижением виртуоза. Интересно, что в дальнейших выпусках, утвердивших актеров и музыкантов в качестве молодежных героев¹⁴, не показываются толпы фанатов. Возможно, такой прием направлен на создание у читателя ощущения интимной “коммуникации” с миром.

На рубеже 1980–1990-х гг. происходит смыывание политического содержания с обложек журналов. Политические символы, в советское время встречавшиеся примерно в 60% выпусков, в реформенный период попадают в шесть, а то и в десять раз реже (см. табл. 2). Аналогична ситуация с милитаристскими и трудовыми образами, доля которых статистически значимо уменьшается с 18–19 до 4–6% (причем изображения трудящихся начинают исчезать еще во второй половине 1980-х гг.). Визуальный дискурс “Ровесника” подвергается быстрому разгосударствлению. Соответственно, осла-

¹³ Еще более позднее изображение толпы – малоформатный фрагмент старинной гравюры в составе коллажа – показывает сборище чертей и грешников и служит анонсом к статье “16 фактов о сатане” (1994, № 4).

¹⁴ Согласно проанализированным нами данным массового опроса выпускников российских и киевских школ, проведенного в 2001 г., политики и звезды массовой культурой были самыми популярными ролевыми моделями [Окольская, 2006].

бевае социализационный акцент на ценностях, к которым отсылают эти символы – безопасности, уважении к традициям, конформизме.

По опыту изучения динамики образовательного канона, в периоды тотальных ревизий исключение устаревшего содержания из “золотого фонда” производится значительно интенсивнее и быстрее, чем включение новых смыслов, на выработку которых нужно время [Окольская, 2007]. Стремительное сокращение политического содержания в “Ровеснике” – в чистом виде результат исключения устаревших знаков. Изменение других переменных не столь однозначно, поскольку в их отношении одновременно действуют процессы и исключения, и включения. Так, доля групповых портретов сокращается с 31% в доперестроечном периоде до 6% в 1990–1992 гг., но в 1993–1996 гг. снова возрастает до 21% (см. табл. 1). Важно, что при этом принципиально меняется характер групп: в поздних выпусках журнала это, как правило, популярные музыкальные коллективы. Символической связи с государством они не имеют. Эти группы ассоциируются с неформальными культурными целями, самостоятельно поставленными индивидами – ради самовыражения, создания чего-то нового и вознаграждения за это в виде широкого общественного признания (вероятно, конвертированного в богатство и авторитет).

Немонотонно меняется во времени и частота появления знаков прошлого в визуальном дискурсе. В 1993–1996 гг. вновь возрастает частота исторических символов, но уже не государственных памятников, а отсылок к нероссийским историческим фигурам и сюжетам (например, иллюстрированные анонсы статей о Нострадамусе, Дракуле, сатане, занимающие второстепенное положение на обложке). К прошлому отсылают и портреты звезд зарубежного кино и эстрады XX в. Постсоветский “Ровесник” далек от революционного отрицания традиций как таковых, но переключает читателей с советской традиции на западную.

В 1990-е гг. в визуальном дискурсе журнала складывается принципиально новая картина общественной жизни, которая зиждется на символах индивидуального и группового успеха. Выше уже упоминалось, что доля одиночных портретов на обложках резко выросла в 1990-е гг., достигнув 93%. Следует подчеркнуть, что, начиная с 1993 г., эти одиночки превратились из анонимных обывателей в носителей громких имен, демонстрирующих личные достижения. На лицевой стороне журнала стали печатать крупным планом портреты молодежных кумиров, иногда дополняя их малоформатными снимками других звезд. Персонажи обложек индивидуализировались: их имена стали подписывать рядом с изображением.

Кроме того, изменилась поза персонажа, что, по Барту, является фундаментальным коннотативным приемом [Барт, 2004]. В советских “Ровесниках” персонажи часто были будто подсмотрены фотографом в их повседневной жизни и не осознавали свою роль модели. Они были рядовыми людьми – обычными, иногда ничем не примечательными гражданами СССР и других стран. Этот прием создавал эффект естественности, правдивости запечатленных сцен. Он использовался редакцией до 1992 г. включительно. Затем главные персонажи “развернулись” лицом к фотографу и стали осознанно позировать. В 1993–1996 гг. смотрящие прямо в кадр модели встречались на подавляющем большинстве обложек (86%), тогда как раньше их было не более трети или даже четверти.

Мы полагаем, что изменение типа персонажей – вытеснение “маленького” человека, живущего “естественной” жизнью, и замена его позирующей звездой – имеет символический смысл. Данный факт означает, во-первых, усиление ценностей достижения и самостоятельности; во-вторых, констатацию социального неравенства. Интересно, что ценности самоутверждения – достижения, богатства и власти – были приоритетны и для российских учителей в 1996 г. Обновленный дискурс “Ровесника” отчасти совпадал с их жизненной позицией и, можно сказать, получал от педагогов санкцию на их дальнейшее воспроизводство [Грязнова, Магун, 2011].

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- Балина М.Р.* Воспитание чувств а la soviétique: повести о первой любви // Ребенок в истории и культуре. Труды семинара “Культура детства: нормы, ценности, практики”. Вып. 4. М., 2010.
- Барт Р.* Риторика образа // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Барт Р.* Фотографическое сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2004.
- Грязнова О.С., Магун В.С.* Базовые ценности российских и европейских учителей // Социологический журнал. 2011. № 1.
- Зудин А.Ю.* “Культура имеет значение”: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3.
- Келли К.* “Папа едет в командировку”: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе. СПб., 2008.
- Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 2010.
- Леонтьева С.Г.* Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3.
- Лукина А.В.* Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.
- Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.
- Макаревич Г.В.* “Мама, откуда берутся дети?»: Вопросы пола в книге для чтения 1970–1980-х гг. // Ребенок в истории и культуре. Труды семинара “Культура детства: нормы, ценности, практики”. Вып. 4. М., 2010.
- Макаревич Г.В., Безрогов В.Г., Иванченко Г.В.* Образ ребенка в учебнике для начальной школы // Отечественные записки. 2008. № 1.
- Мид М.* Взросление на Самоа // *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
- Минина М.* Образ сироты в советском плакате 1920–1930-х годов // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009.
- Окольская Л.А.* Публичные фигуры как объект симпатии и идентификации российской и украинской молодежи // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.
- Окольская Л.А.* Трудовые ценности и нормы в содержании учебников для начальной школы: сегодня и 20 лет назад // Вопросы образования. 2007. № 2.
- Омельченко Е.Л.* От пола к гендеру? Опыт анализа секс-дискурсов молодежных российских журналов // Женщина не существует. Современные исследования полового различия. Сборник статей. Сыктывкар, 1999.
- Писарский П.С., Собкин В.С.* Учитель и старшеклассник в мире художественной культуры. М., 1997.
- “Ровесник” // Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1975.
- Ромашова М.В.* Журнал “Работница” как источник по истории советского детства (1945–1953 гг.) // Источниковедческие исследования. Вып. 4. М., 2008.
- Тарабукина А.В.* “Здравствуй, дружок!»: Подросток в детской сексологии // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003.
- Усманова А.* “Девчата”: девичья честь и возраст любви в советской комедии 1960-х гг. // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009.
- Щербинин А.И.* “Я русский бы выучил только за то...” (Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников) // ПОЛИС. 2000. № 1.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М.–СПб, 2001.
- Var-Haim G.* Actions and Heroes: the Meaning of Western Pop Information for Eastern European Youth // The British Journal of Sociology. 1989. Vol. 40. № 1.
- Jackson Ph. W.* Life in Classrooms. New York, 1968.
- O’Dell F.A.* Socialisation Through Children’s Literature. Cambridge, 1978.